

ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ВОЗДЕЙСТВИЮ НА ВОСПРИЯТИЕ РИСКА ЭКОНОМИЧЕСКИМИ АГЕНТАМИ

А. И. Мелешкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 13 августа 2016 г.

Аннотация: система гендерных норм является частью социально-экономической политики и характеризуется комплексной структурой целеполагания и методикой противодействия гендерной асимметрии институтов. Цель исследования – выявить возможности гендерной политики по снижению ограничений при принятии экономических решений с учетом воздействия на индивидуальную склонность к риску. В работе используется инструментарий новой институциональной экономической теории, поведенческой экономики и метод дисперсионного анализа. Результаты исследования могут использоваться в качестве рекомендаций по методике проектирования гендерной политики. **Ключевые слова:** гендерная политика, гендерно дифференцированные институты, институциональное проектирование, восприятие риска.

Abstract: system of gender norms is a part of the socio-economic policy, it is characterized by the complex structure of goal-setting and methods of controlling gender asymmetry. The goal of research is to identify opportunities of gender policy to reduce constraints in making economic decisions, taking into account the impact on individual risk perception. Tools of new institutional economics, behavioural economics and the analysis of variance are used. Results of investigation can be used as the guidelines for gender policy design.

Key words: gender policy, gender-sensitive institutions, institutional design, risk perception.

Институциональное проектирование гендерных норм имеет ряд специфических особенностей, связанных с выбором целевых показателей и методологией оценки эффективности принятых мер. Разные этапы разработки и проведения социальных преобразований требуют использования разных по характеру индикаторов и мер, соответствующих поставленным задачам. Гендерная политика вовлечена в систему социальных реформ, так как большинство институтов социальной жизни являются гендерно дифференцированными и имеют различные последствия для мужчин и женщин.

Основной проблемой современного этапа проектирования гендерной политики является недооценка причинно-следственных связей между макрометодами противодействия гендерной дифференцированности институтов и результатами программ гендерного равенства на микроуровне [1]. Одной из задач данного исследования является демонстрация возможностей и ограничений применения поведенческой экономики для целей политики гендерного равенства.

Гендерные различия в восприятии риска как источник гендерного разрыва в доходах

В рамках экономического анализа показателем исхода принимаемых индивидом экономических решений выступает доход, который в свою очередь характеризуется определенными предпочтениями человека, в числе которых восприятие риска [2]. Результаты теоретических и эмпирических исследований объясняют высокий уровень индивидуальных доходов склонностью индивида к риску, однако особую актуальность этот вопрос имеет в развивающихся странах с низким показателем ВВП на душу населения, где доходы населения в значительной степени зависят от уровня развития сельского хозяйства [3] (дальнейший анализ основан на специфике аграрных экономик).

Основные активы, которыми располагают домашние хозяйства аграрных экономик, – земельные участки и скот – относятся к высокорисковым. Так как риск владения и пользования в данном случае низко диверсифицирован, убытки от неблагоприятных погодных условий, эпидемий и военных конфликтов невозможно предотвратить в середине сельскохозяйственного цикла, инвестиционные решения принимают-

ся в условиях высокой неопределенности [4; 5]. Результатом перечисленных факторов внешней среды является несклонность населения к инвестированию в приносящие бóльшую отдачу высокорисковые средства производства. Так, фермеры Эфиопии отказываются от использования затратных удобрений из-за высокого риска получения продукции низкого качества в случае неблагоприятных погодных условий. Неприятие риска женщинами в условиях высокого уровня неопределенности демонстрирует рост в большей степени, чем неприятие риска мужчинами, при этом отсутствие развитых механизмов страхования и кредитования препятствуют гендерному балансу в распределении доходов [6].

Домашние хозяйства сельской местности имеют низкие доходы, крайне ограниченный доступ к кредитам, отсутствие рынка труда и неразвитую систему страхования [5]. Эти факторы способствуют неподготовленности сельского населения к природным и экономическим потрясениям. Тогда избегание риска является наиболее часто используемой стратегией поведения сельского населения аграрных экономик, что является одной из причин институциональной ловушки. Эту взаимосвязь подтверждает экспериментальное исследование на основе выборки фермерских хозяйств Эфиопии [7]. В рамках эксперимента главам домашних хозяйств предлагался выбор одной из шести систем ведения хозяйства, издержки реализации которых равны, а доход зависит от 50 % вероятности благоприятного исхода – хорошего урожая. Уровни выигрышей и убытков от разных систем ведения хозяйства варьировались. Основные характеристики, которые имели значение в ходе выбора альтернатив, – это ориентировался ли индивид на благоприятный или неблагоприятный исход и размер выигрыша. Результатом эксперимента стали выводы о высоком неприятии риска населением Эфиопии, большей степени неприятия риска женщинами по сравнению с мужчинами [7]. Таким образом, проведение политики гендерного равенства в развивающихся странах является смежным с мерами противодействия бедности направлением социально-экономической политики, что ведет к необходимости координации целей и методов гендерной политики и политики повышения общественного благосостояния.

Среди причин гендерного разрыва в доходах, в том числе и в оплате труда, выделяются различия в предпочтениях и ожиданиях мужской и женской групп населения. Объяснение связи дохода и характеристик индивидуального выбора с учетом

гендерного фактора также основывается на концепции социального капитала [8]. В ходе экспериментального анализа подтверждается значимое различие в отношении к риску: женщины по сравнению с мужчинами менее склонны к риску. Кроме того, склонность к риску и уровень дохода выше среди людей с высшим образованием и увеличивается с возрастом. Корреляция между уровнем дохода и отношением к риску значима: доходы растут с повышением склонности к риску [8].

Анализ рынка труда также свидетельствует о взаимосвязи восприятия риска и уровня располагаемого дохода: гендерный разрыв в заработной плате объясняется бóльшим неприятием риска женщинами по сравнению с мужчинами в ходе поиска работы [9]. Отказ от вакансии в ходе активного поиска работы снижает вероятность трудоустройства, что является стимулом для женской группы населения, не склонной к риску, принять относительно невыгодные условия вакансии. Резервная заработная плата женщины оказывается ниже резервной заработной платы мужчины, этот факт активно используют работодатели, намеренно занижая ставку заработной платы на собеседовании с кандидатом-женщиной. Еще одним объяснением гендерного разрыва в оплате труда является разный уровень заработной платы в государственном и частном секторе [10]. Менее склонные к риску кандидаты-женщины чаще проходят отбор на должности в государственном секторе, где заработные платы в среднем ниже. Таким образом, различная степень склонности к риску, поддерживаемая гендерно асимметричными институтами, является одной из причин гендерного разрыва в доходах.

Приведенное выше обобщение результатов эмпирических исследований соотношения показателей дохода и восприятия риска объясняет необходимость поиска решения проблем гендерного неравенства в том числе и в поведенческих предпосылках экономической жизни индивидов. В данном контексте поиск проблемных в части гендерной асимметрии зон институциональной среды является необходимым условием эффективной политики.

Сопоставительный анализ международного опыта доказывает разнородность методик дизайна гендерных индикаторов и невозможность комплексного анализа результативности гендерных реформ. Одной из причин несоответствия методов достижения гендерной нейтральности институтам задачам гендерной политики является выбор обобщенных целевых индикаторов. Среди многообразия индикаторов гендерного неравенства наиболее

информативным с точки зрения выявления проблемных зон институциональной среды является индекс SIGI – Social Institutions & Gender Index [11]. Структура индекса позволяет учитывать пробелы институциональной среды, являющиеся источником гендерной асимметрии институтов, что способствует разработке целевых методик, программ устранения искажений в сфере семейного законодательства (Discriminatory Family Code), гражданских и политических прав (Restricted civil liberties), личной свободы (Restricted physical integrity) и доступа к экономическим ресурсам (Restricted resources and assets). Для проведения дальнейшего анализа используются перечисленные выше субиндексы как индикаторы гендерного баланса институтов: (1) семейного кодекса, (2) гражданских прав и свобод, (3) неприкосновенности личности, (4) экономической свободы. Чем выше значение субиндексов, тем выше степень гендерной асимметрии институтов в данной сфере.

В качестве базы исследования выступает выборка из 34 стран, отобранная на основе критерия доступности данных в базе SIGI-2014 и The World Values Survey 6. Характеристика исследуемых стран, согласно индексу SIGI, приведена в таблице.

Для выявления индивидуального восприятия риска (склонности к риску) используются результаты The World Values Survey Wave 6 (2010–2014), вопрос V76 «Adventure and taking risks are important to this person» (Рискованные решения и принятие риска предпочтительны для данного человека) [12]. В качестве вариантов ответа предлагается шкала от 1 до 6, где

1 – Very much like me (Абсолютно соответствует мне);

2 – Like me (Соответствует мне);

3 – Somewhat like me (В некоторой степени соответствует мне);

4 – A little like me (Незначительно соответствует мне);

5 – Not like me (Не соответствует мне);

6 – Not at all like me (Абсолютно не соответствует мне).

Гипотеза исследования – гендерная асимметрия различных институтов – оказывает неоднородное (разнонаправленное) по характеру влияние на индивидуальное восприятие риска мужчинами и женщинами, что может быть использовано в ходе моделирования инструментов гендерной политики для корректировки распространенных в обществе гендерных ролей. В качестве метода проверки гипотезы используется однофакторный дисперсионный анализ, который основан на исследовании изменчивости признака под влиянием контролируемых переменных факторов [13]. С помощью данного метода возможно выделение частных вариативностей из общей, т. е. исследуется изменение зависимой переменной под влиянием градации определенного фактора. Отличительной особенностью методики является возможность одновременного анализа качественных и количественных данных. Если зависимая переменная является ранговой, а объясняющая переменная – метрической, результаты дисперсионного анализа могут быть интерпретированы без привязки к классическому представлению о зависимости (в данном случае ось ординат – объясняющая переменная, ось абсцисс – зависимая). Далее представлены результаты дисперсионного анализа в программе IBM SPSS Statistics 24.0. Результаты ANOVA являются значимыми согласно критерию Ливиня.

Т а б л и ц а

Индекс социальных институтов и гендера 2014
(Social Institutions & Gender Index 2014 – SIGI 2014) [14]

Страна	SIGI 2014	Страна	SIGI 2014	Страна	SIGI 2014
Азербайджан	0,2403	Ирак	0,2631	Перу	0,0826
Аргентина	0,0107	Испания	0,0049	Руанда	0,1339
Армения	0,2360	Йемен	0,5634	Румыния	0,0686
Белоруссия	0,0336	Казахстан	0,1196	Словения	0,0037
Бразилия	0,0458	Киргизия	0,1598	Тайланд	0,1056
Гана	0,2988	Китай	0,1310	Тринидад и Тобаго	0,0236
Грузия	0,2035	Колумбия	0,0862	Тунис	0,1986
Египет	0,4280	Ливан	0,2897	Турция	0,1032
Зимбабве	0,1392	Марокко	0,1052	Узбекистан	0,1475
Индия	0,2650	Нигерия	0,3911	Украина	0,0750
Иордания	0,3119	Пакистан	0,3013	Филиппины	0,1765
				Эквадор	0,0422

Кругами на рис. 1 и 2 обведены группы респондентов, которые демонстрируют разную склонность к риску при близких значениях субиндексов SIGI–2014. При этом наблюдается значимое различие по данным наблюдениям. Полученные графики позволяют оценить наличие и характер (положительный/отрицательный) влияния гендерной асимметрии в одной из четырех областей (семейного кодекса, гражданских прав и свобод, неприкосновенности личности, экономической свободы) на склонность мужчин и женщин к риску. На основе полученных результатов становится возможным выделить приоритетные направления в структуре гендерной политики, реализация которых необходима для изменения поведенческих характеристик и гендерных ролей.

Результаты дисперсионного анализа по женской группе населения свидетельствуют о положительной взаимосвязи между склонностью к риску и уровнем асимметрии институтов в области семейного права, личной свободы и доступа к экономическим ресурсам. При этом соотношение между склонностью женщин к риску и гендерной асимметрией гражданских и политических прав не является однозначным: в условиях высокой асимметрии институтов гражданских и политических прав наблюдается как высокая, так и низкая склонность к риску среди женщин.

Для мужской группы населения результаты дисперсионного анализа отличаются от результатов женской группы респондентов. В условиях среднего уровня гендерной асимметрии институтов семей-

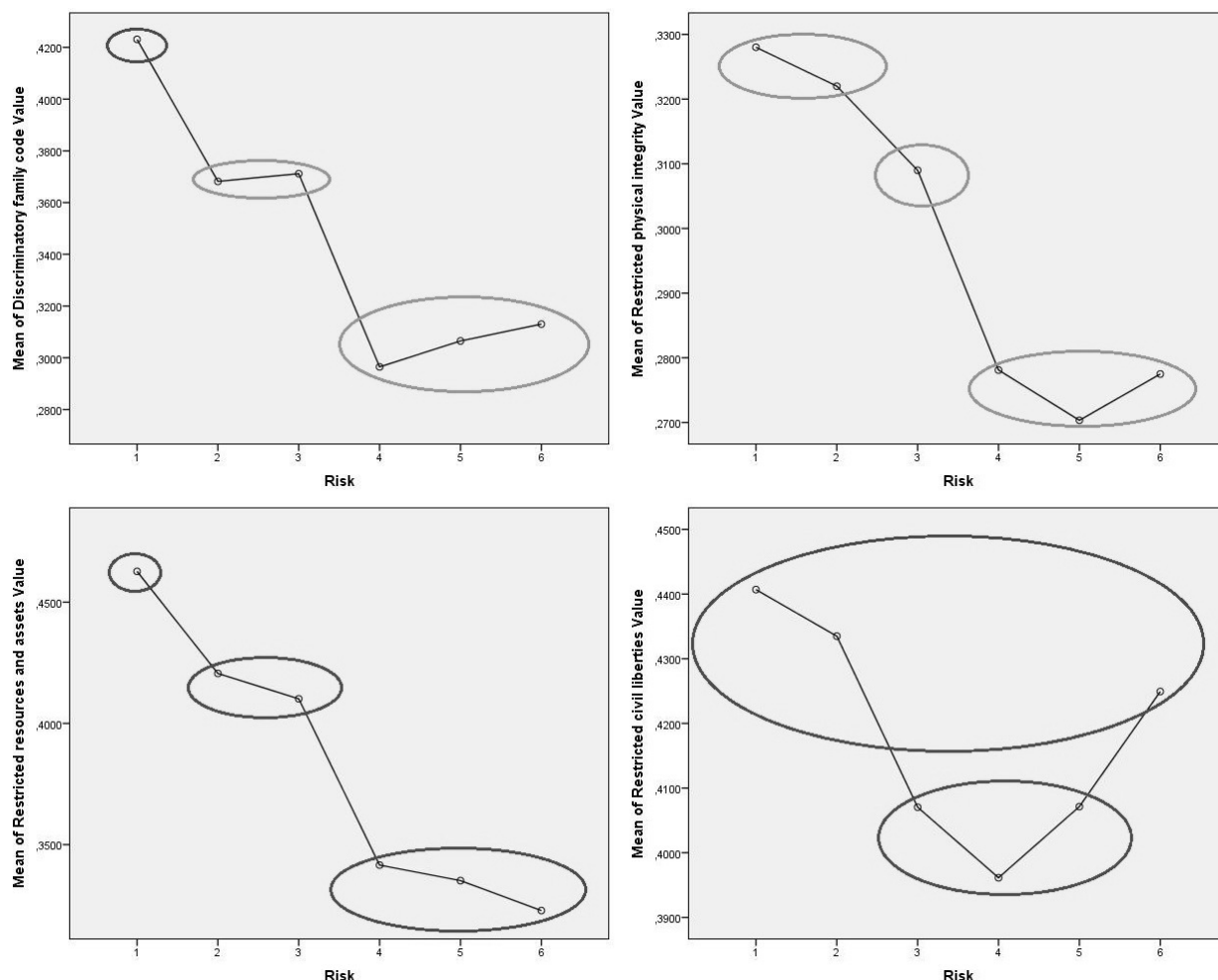

Рис. 1. Результаты однофакторного дисперсионного анализа. Женщины [11; 12]:

Risk – склонность респондента к риску по шкале от 1 до 6, где 1 – максимальная склонность к риску, 6 – минимальная (на основе вопроса V76 World Values Survey 2010–2014); *Mean of Discriminatory Family Code Value* – среднее значение субиндекса Дискриминация в семейном праве SIGI–2014; *Mean of Restricted physical integrity Value* – среднее значение субиндекса Ограничение личной свободы SIGI–2014; *Mean of Restricted resources and assets Value* – среднее значение субиндекса Ограничение доступа к экономическим ресурсам SIGI–2014; *Mean of Restricted civil liberties Value* – среднее значение субиндекса Ограничение гражданских и политических прав SIGI–2014. Чем выше значение субиндексов, тем выше степень гендерной асимметрии институтов в данной сфере

ного права и института неприкосновенности личности наблюдается разная степень склонности к риску – от низкой до высокой. При этом высокая гендерная дифференцированность гражданских прав и свобод может приводить и к высокой и к низкой склонности к риску мужской части населения.

Стоит отметить, что наличие гендерной асимметрии экономических институтов, предполагающей создание дополнительных ограничений доступа к ресурсам, оказывает однонаправленное воздействие на склонность к риску как среди женского населения, так и среди мужчин – чем выше гендерная асимметрия, тем выше склонность к риску.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы относительно требуемого направления воздействия

гендерной политики на проблемные институты и ориентиров для анализа гендерного неравенства с применением инструментов поведенческой экономики. Полученные результаты свидетельствуют о чрезмерно высокой (нетипичной для женщин) склонности к риску в условиях высокой гендерной асимметрии семейного права и института личной неприкосновенности. Тогда совершенствование законодательства и мониторинг судебной практики в данных сферах является приоритетной задачей, реализация которой необходима для достижения оптимального баланса инвестиций (расходов) в низкорисковый и высокорисковый капитал. В данном случае речь идет не только о создании семейного бизнеса, характерного для неразвитых, аграр-

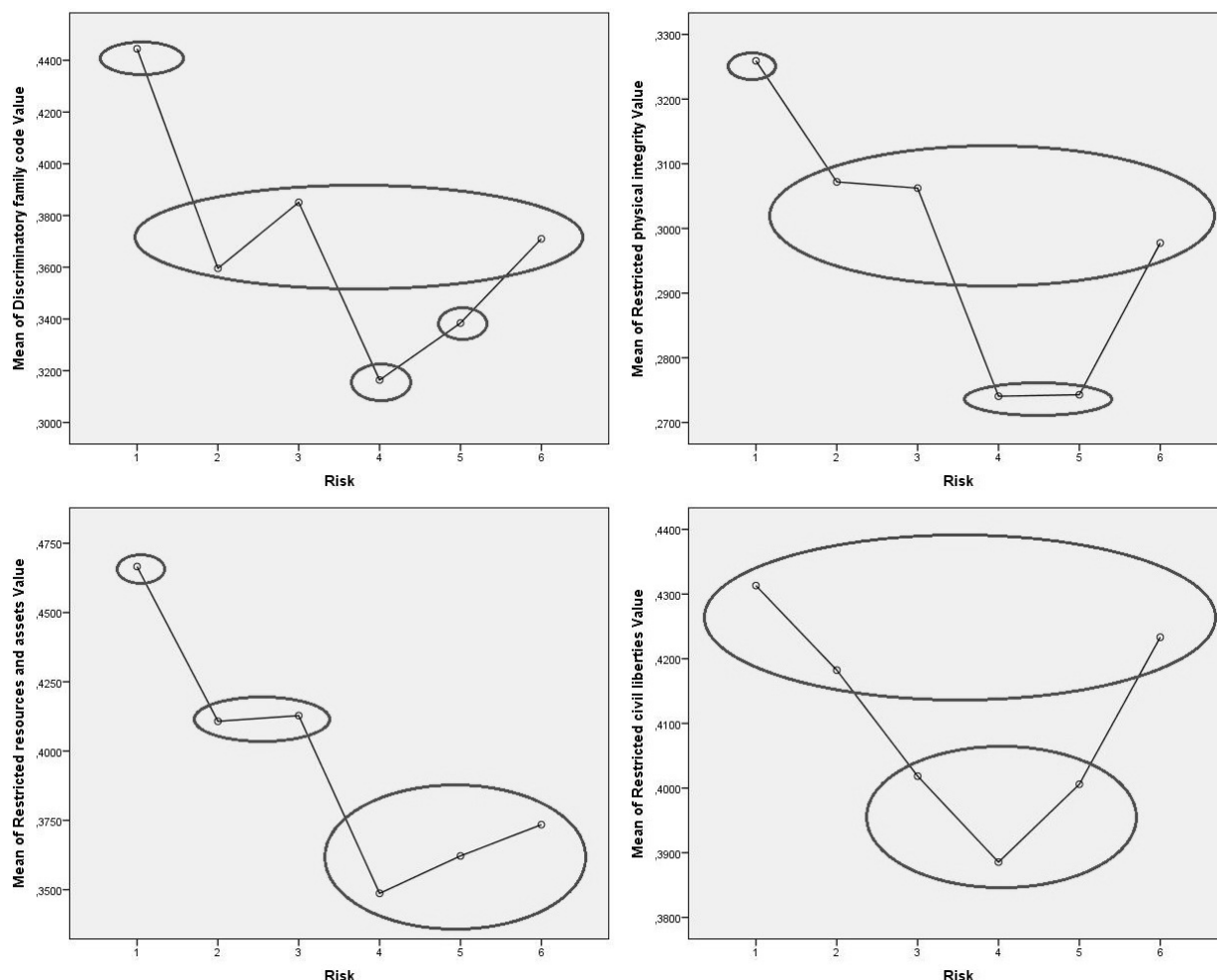

Рис. 2. Результаты однофакторного дисперсионного анализа. Мужчины [11; 12]:

Risk – склонность респондента к риску по шкале от 1 до 6, где 1 – максимальная склонность к риску, 6 – минимальная (на основе вопроса V76 World Values Survey 2010–2014); *Mean of Discriminatory Family Code Value* – среднее значение субиндекса Дискриминация в семейном праве SIGI–2014; *Mean of Restricted physical integrity Value* – среднее значение субиндекса Ограничение личной свободы SIGI–2014; *Mean of Restricted resources and assets Value* – среднее значение субиндекса Ограничение доступа к экономическим ресурсам SIGI–2014; *Mean of Restricted civil liberties Value* – среднее значение субиндекса Ограничение гражданских и политических прав SIGI–2014. Чем выше значение субиндексов, тем выше степень гендерной асимметрии институтов в данной сфере

ных экономик [5] (большинство стран в выборке относятся к данной категории), но и об инвестировании в образование и здравоохранение. Согласно эмпирическим исследованиям, женщины более склонны по сравнению с мужчинами расходовать средства на товары и услуги, увеличивающие человеческий и социальный капитал [14; 15].

Важным с точки зрения достижения баланса инвестиций в капитал с разной степенью риска является вывод об однонаправленном влиянии гендерных ограничений доступа к экономическим ресурсам на восприятие риска мужчинами и женщинами. В условиях высокой гендерной дискриминации в данной области (что также может провоцировать недоверие к финансовым институтам страны) и мужчины, и женщины отдают предпочтение более высокорисковому вложению. Такого рода решения могут негативно сказаться на развитии экономики, спровоцировать рост теневой экономики и убыточной предпринимательской деятельности [16], что свидетельствует о значимости устранения гендерной

дискриминации в доступе к экономическим ресурсам для домашних хозяйств и экономики в целом.

Гендерные различия в экономическом поведении вызваны гендерной дифференцированностью (асимметрией) институтов, накладывающих ограничения на принятие экономических решений. Таким образом, гендерная асимметрия институтов является ограничением в ходе принятия решений. Цель гендерной политики – снизить дифференцированность институтов, используя инструментарий институционального проектирования и оптимальное сочетание мер. Разные меры гендерной политики оказывают неодинаковое влияние на асимметрию институтов в разных сферах институциональной среды, что необходимо учитывать при выборе методов гендерной политики. Внедрение выводов поведенческой экономики в процесс выработки мер политики гендерного неравенства способствует эффективному решению проблемы асимметрии институтов и позволяет оценить действенность политики на микроуровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations Gender Forward Looking Strategy 2014–2018. – Mode of access: <http://www.un.org/en/peace-keeping/documents/DPKO-DFS-Gender-Strategy.pdf>
2. Bray J. Consumer Behaviour Theory : Approaches and Models, 2008. – Mode of access: http://eprints.bournemouth.ac.uk/10107/1/Consumer_Behaviour_Theory_-_Approaches_%26_Models.pdf
3. Spears D. Economic Decision-making in Poverty Depletes Behavioral Control, 2010. – Mode of access: <https://www.princeton.edu/ceps/workingpapers/213spears.pdf>
4. Rosenzweig M. Risk, Implicit Contracts and the Family in Rural Areas of Low-Income Countries, 1986. – Mode of access: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.554.2860&rep=rep1&type=pdf>
5. Dercon S. Risk, Poverty and Vulnerability in Africa // Journal of African Economies. – 2005. – № 4. – P. 483–488.
6. Dercon S., Christiaensen L. Consumption Risk, Technology Adoption and Poverty Traps : Evidence from Ethiopia, 2007. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/7417>
7. Yesuf M., Bluffstone R. Risk Aversion in Low Income Countries : Experimental Evidence from Ethiopia, 2007. – Mode of access: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/42398/2/IFPRIDP00715.pdf>
8. Le A., Miller P., Slutske W., Martin N. Attitudes towards Economic Risk and the Gender Pay Gap, 2010. – Mode of access: <http://ftp.iza.org/dp5393.pdf>
9. Vesterlund L. The Effects of Risk Aversion on Job Matching : Can Differences in Risk Aversion Explain the Wage Gap?, 1997. – Mode of access: <http://www2.econ.iastate.edu/faculty/vesterlund/paper/match.pdf>
10. Pfeifer C. Risk Aversion and Sorting into Public Sector Employment, 2008. – Mode of access: <http://ftp.iza.org/dp3503.pdf>
11. Social Institutions & Gender Index, 20014. – Mode of access: <http://www.genderindex.org/ranking>
12. The World Values Survey Wave 6, 2010-2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVS-DocumentationWV6.jsp>
13. Andren T. Econometrics – Part II, 2008. – Mode of access: <http://www2.aku.edu.tr/~icaga/kitaplar/econometrics-2.pdf>
14. Glick P., Saha R., Younger S. Integrating Gender into Benefit Incidence and Demand Analysis, 2004. – Mode of access: <http://www.cfnpp.cornell.edu/images/wp167.pdf>
15. Filmer D. The Structure of Social Disparities in Education : Gender and Wealth, 1999. – Mode of access: <https://ideas.repec.org/p/wbk/wbrwps/2268.html>
16. Giles D., Johnson B. Taxes, Risk-Aversion, and the Size of the Underground Economy : A Nonparametric Analysis With New Zealand Data, 1999. – Mode of access: <https://www.uvic.ca/socialsciences/economics/assets/docs/econometrics/ewp9910.pdf>

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

*Мелешкина А. И., аспирант кафедры приклад-
ной институциональной экономики, научный со-
трудник Центра исследований конкуренции и
экономического регулирования РАНХиГС при Пре-
зиденте Российской Федерации*

E-mail: ann.meleshkina@gmail.com

Тел.: +7(925)365-56-02

*Moscow State University named after M. V. Lo-
monosov*

*Meleshkina A. I., Post-graduate Student of the
Applied Institutional Economics Department, Re-
searcher of Centre for Research on Competition and
Economic Regulations Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

E-mail: ann.meleshkina@gmail.com

Tel.: +7(925)365-56-02